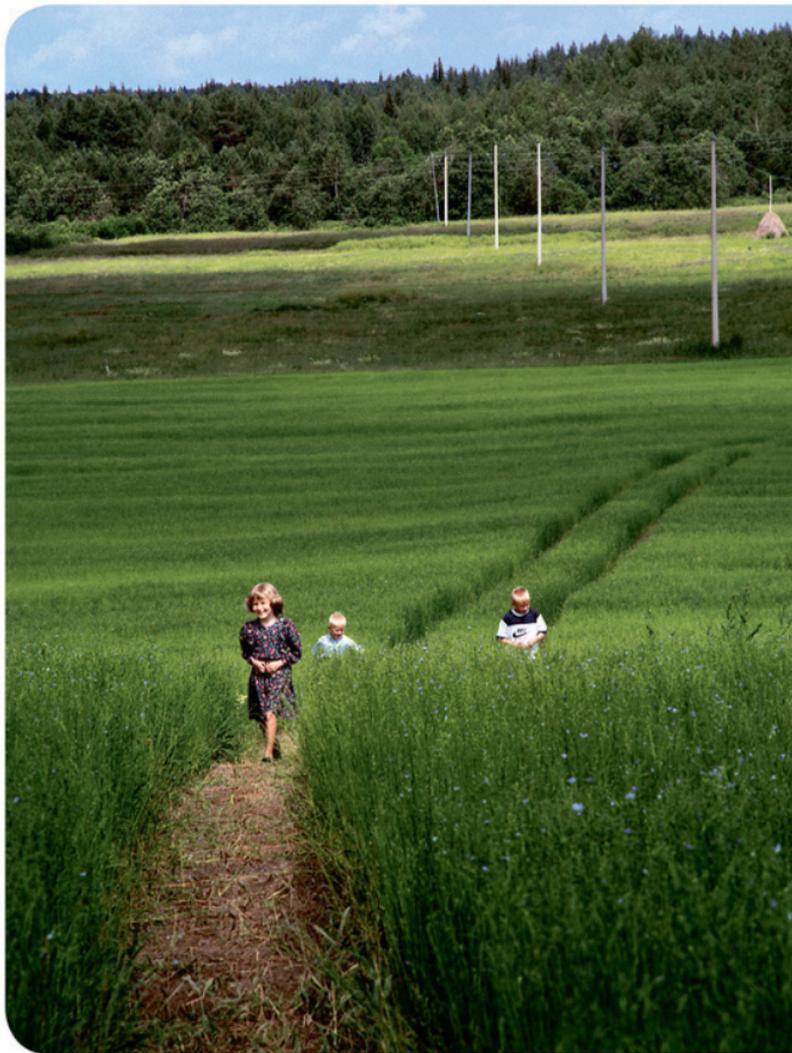

Священник Николай Агафонов

НЕПРИДУМАННЫЕ ИСТОРИИ

Николай Агафонов
Непридуманые
истории (сборник)
Серия «Духовная проза (Никея)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8231373

*Николай Агафонов. Непридуманые истории. Рассказы: Никея; Москва;
2013*

ISBN 978-5-91761-230-0

Аннотация

Священники живут в ином измерении, вернее, на грани измерений. Предстоящих пред Богом в алтаре освещает особый Свет, соприкосновение с Вечностью, а вот за воротами храма начинается мир, кипящий и бурлящий страстями. В рассказах отца Николая нет прямых проповеднических назиданий, но его герои, безусловно, запомнятся навсегда: ведь это люди, которые вселяют веру в добро, в любовь и в Бога. Автор точно передает дух эпохи: гибельные 20–30-е годы, подарившие надежду 80-е, разочарование 90-х и нынешнее, еще не совсем осмысленное время.

Содержание

Предисловие	5
Погиб при исполнении	6
Друзья	32
Колдовские сети	53
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Священник Николай Агафонов Непридуманые истории. Рассказы

*Допущено к распространению Издательским советом
Русской Православной Церкви ИС 12-218-1567*

© Агафонов Николай, свящ., 2013

© Издательство «Никея», 2013

*Все права защищены. Никакая часть электронной версии
этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни
было форме и какими бы то ни было средствами, включая
размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для
частного и публичного использования без письменного раз-
решения владельца авторских прав.*

Предисловие

Чудесное всегда с нами рядом, но мы не замечаем его. Оно пытается говорить с нами, но мы не слышим его, потому что оглохли от грохота безбожной цивилизации. Оно идет с нами рядом, дышит нам прямо в затылок. Но мы не чувствуем его, ибо наши чувства притупились бесчисленными соблазнами века сего. Оно забегает вперед и заглядывает прямо в глаза, но мы не видим его. Мы ослеплены своим ложным величием – величием человека, могущего переставлять горы без всякой веры, лишь с помощью бездушного технического прогресса. А если вдруг увидим или услышим, то спешим обойти стороной, сделать вид, что не заметили, не услышали. Ведь в тайнике своего существа мы догадываемся, что, приняв ЧУДО как реальность нашей жизни, мы должны будем изменить свою жизнь. Мы должны стать неприкаемыми в мире сем и юродивыми для разумных мира сего. А это уже страшно или, наоборот, так смешно, что хочется плакать.

Протоиерей Николай Агафонов

Погиб при исполнении Некриминальная история

*Нет больше той любви, как если кто положит
душу свою за друзей своих.*

Ин. 15: 13

*И когда уже кончит над всеми, тогда
возглаголет и нам: «Выходите, – скажет, – и
вы! Выходите пьяненькие, выходите слабенькие,
выходите соромники!» И мы выйдем все, не
стыдясь, и станем. И скажет: «Свиньи вы!
Образа звериного и печати его; но приходите
и вы!» И возглаголят премудрые, возглаголят
разумные: «Господи! Почто сих приемлши?» И
скажет: «Потому их приемлю, премудрые, потому
их приемлю, разумные, что ни единый из сих сам не
считал себя достойным сего...»*

Ф. М. Достоевский.

Преступление и наказание

Было уже десять часов вечера, когда в епархиальном управлении раздался резкий звонок. Только что прилегший отдохнуть Степан Семенович, ночной сторож, недовольно ворча: «Кого это нелегкая носит?», шаркая стоптанными домашними тапочками, поплелся к двери. Даже не спрашивая, кто звонит, он раздраженно крикнул, остановившись перед

дверью:

– Здесь никого нет, приходите завтра утром!

Но за дверью бесстрастный голос ответил:

– Срочная телеграмма, примите и распишитесь.

Получив телеграмму, сторож принес ее в свою каморку, включил настольную лампу и, нацепив очки, стал читать: «27 июля 1979 года протоиерей Федор Миролюбов трагически погиб при исполнении служебных обязанностей, ждем дальнейших указаний. Церковный совет Никольской церкви села Бузихино».

– Царство Небесное рабу Божьему отцу Федору, – сочувственно произнес Степан Семенович и еще раз перечитал телеграмму вслух. Смущала формулировка: «Погиб при исполнении...» Это совершенно не клеилось со священническим чином.

«Ну там милиционер или пожарный, в крайнем случае сторож, не приведи, конечно, Господи, это еще понятно, но отец Федор?» – пожал в недоумении плечами Степан Семенович.

Отца Федора он знал хорошо, когда тот еще служил в кафедральном соборе. Батюшка отличался от прочих клириков собора простотой в общении и отзывчивым сердцем, за что и был любим прихожанами. Десять лет назад у отца Федора случилось большое горе в семье – убит был его единственный сын Сергей. Произошло это, когда Сергей спешил домой порадовать родителей выдержанным экзаменом в ме-

дицинский институт, хотя отец Федор мечтал, что сын будет учиться в семинарии.

– Но раз выбрал путь не духовного, а телесного врача, все равно – дай ему Бог счастья... Меня будет на старости лечить, – говорил отец Федор Степану Семеновичу, когда они сидели за чаем в сторожке собора. Тут-то их и застала эта страшная весть.

По дороге из института увидел Сергей, как четверо парней избивают пятого прямо рядом с остановкой автобуса. Женщины на остановке криками пытались урезонить хулиганов, но те, не обращая внимания, уже лежащего молотили ногами. Мужчины, стоявшие на остановке, стыдливо отворачивались. Сергей, не раздумывая, кинулся на выручку. Кто его ножом пырнул, следствие только через месяц разобралось. Да что от этого проку, сына отцу Федору уже никто вернуть не мог.

Сорок дней после смерти сына отец Федор служил каждый день заупокойные обедни и панихиды. А как сорок дней прошло, стали частенько замечать отца Федора во хмелю. Бывало, и к службе приходил нетрезвым. Но старались не укорять, понимая его состояние, сочувствовали ему. Однако вскоре это стало делать все труднее. Архиерей несколько раз переводил отца Федора на должность псаломщика, для исправления от винопития. Но один случай заставил владыку пойти на крайние меры и уволить отца Федора за штат.

Как-то, получив месячную зарплату, отец Федор зашел в

рюмочную, что находилась недалеко от собора. Завсегдатаи этого заведения относились к батюшке почтительно, ибо по своей доброте он потчевал их за свой счет. В тот день была годовщина смерти сына, и отец Федор, кинув на прилавок всю зарплату, приказал угощать всех, кто пожелает, весь вечер. Буря восторгов, поднявшаяся в распивочной, вылилась в конце пьянки в торжественную процессию. С соседней строительной площадки были принесены носилки, на них водрузили отца Федора и, объявив его Великим Папой Рюмочной, понесли через весь квартал домой. После этого случая отец Федор и угодил за штат. Два года он был без служения до назначения его в Бузихинский приход.

Степан Семенович в третий раз перечитал телеграмму и, повздыхав, стал набирать номер домашнего телефона владыки. Трубку поднял келейник владыки Слава.

– Его высокопреосвященство занят, зачитайте мне телеграмму, я запишу, потом передам.

Содержание телеграммы Славу озадачило не меньше, чем сторожа. Он стал размышлять: «Трагически погибнуть в наше время – пара пустяков, что весьма часто и происходит. Вот, например, в прошлом году погиб в автомобильной катастрофе протодиакон с женой. Но при чем здесь служебные обязанности? Что может произойти во время богослужения? Наверное, эти бузихинцы что-то напутали».

Слава был родом из тех мест и село Бузихино знал хорошо. Оно было знаменито строптивым характером сельчан. С

необузданным нравом бузихинцев пришлось столкнуться и архиерею. Бузихинский приход доставлял ему хлопот более, чем все остальные приходы епархии, вместе взятые. Какого бы священника к ним архиерей ни назначал, долго тот там не задерживался. Прослужит год, ну от силы другой – и начинаются жалобы, письма, угрозы. Никто бузихинцам угодить не мог. За один год трех настоятелей пришлось сменить. Рассердился архиерей, два месяца к ним вообще никого не назначал. Бузихинцы эти два месяца, как беспоповцы, сами читали и пели в церкви. Только от этого мало утешения, обедню-то без батюшки не отслужишь, стали просить священника. Архиерей говорит им:

– Нет у меня для вас священника, к вам на приход уже никто не желает ехать!

Но те не отступают, просят, умоляют:

– Хоть кого-нибудь, хоть на время, а то Пасха приближается! Как в такой великий праздник без батюшки? Грех.

Смилостивился над ними архиерей, вызвал к себе бывшего в то время за штатом протоиерея Федора Миролюбова и говорит ему:

– Даю тебе, отец Федор, последний шанс для исправления, назначаю настоятелем в Бузихино, продержишься там три года – все прощу.

Отец Федор от радости в ноги архиерею поклонился и, побожившись, что уже месяц, как в рот не берет ни грамма, довольный поехал к месту своего назначения.

Проходит месяц, другой, год. Никто архиерею жалоб не шлет. Это радует его высокопреосвященство, но в то же время и беспокоит: странно, что жалоб нет. Посылает благочинного отца Леонида Звякина узнать, как обстоят дела. Отец Леонид съездил, докладывает:

– Все в порядке, прихожане довольны, церковный совет доволен, отец Федор тоже доволен.

Подивился архиерей такому чуду, а с ним и все епархиальные работники, но стали ждать: не может такого быть, чтобы второй год продержался.

Но прошел еще год, третий пошел. Не вытерпел архиерей, вызывает отца Федора, спрашивает:

– Скажи, отец Федор, как это тебе удалось с бузихинцами общий язык найти?

– А это нетрудно было, – отвечает отец Федор. – Я как приехал к ним, так сразу смекнул их главную слабость, на ней и сыграл.

– Это как же? – удивился архиерей.

– А понял я, владыко, что бузихинцы – народ непомерно гордый, не любят, когда их поучают, вот я им и сказал на первой проповеди: так, мол, и так, братья и сестры, знаете ли вы, с какой целью меня к вам архиерей назначил? Они сразу насторожились: «С какой такой целью?» – «А с такой целью, мои возлюбленные, чтобы вы меня на путь истинный направили». Тут они совсем рты разинули от удивления, а я дальше валяю: «Семинариев я никаких не кончал, а с детских лет

пел и читал на клиросе и потому в священники вышел как бы полуграмотным. И по недостатку образования пить стал непомерно, за что и был уволен со службы за штат». Тут они сочувственно закивали головами. «И, оставшись, – говорю, – без средств к пропитанию, я влачил жалкое существование за штатом. В довершение ко всему моя жена оставила меня, не желая разделять со мной моей участи». Как такое сказал, так у меня на глазах слезы сами собой навернулись. Смотрю, и у прихожан глаза на мокром месте. «Так бы мне и пропасть, – продолжаю я, – да наш владыка, дай Бог ему здоровья, своим светлым умом смекнул, что надо меня для моего же спасения назначить к вам на приход, и говорит мне: «Никто, отец Федор, тебе во всей епархии не может помочь, кроме бузихинцев, ибо в этом селе живет народ мудрый, добрый и благочестивый. Они тебя наставят на путь истинный». А потому прошу вас и молю, дорогие братья и сестры, не оставьте меня своими мудрыми советами, поддержите, а где ошибусь – укажите. Ибо отныне вручаю в руки ваши судьбу свою». С тех пор мы и живем в мире и согласии.

На архиерея этот рассказ, однако, произвел удручающее впечатление.

– Что такое, отец Федор? Как вы смели приписывать мне слова, не произносимые мной? Я вас послал как пастыря, а вы приехали на приход овцой заблудшей. Выходит, не вы паству пасете, а она вас пасет?

– А по мне, – отвечает отец Федор, – все равно, кто кого

пасет, лишь бы мир был и все были довольны.

Этот ответ совсем вывел архиерея из себя, и он отправил отца Федора за штат.

Бузихинцы вновь присланного священника вовсе не приняли и грозились, что если отца Федора им не вернут, то они до самого патриарха дойдут, но от своего не отступят. Самые ретивые предлагали заманить архиерея на приход и машину его вверх колесами перевернуть, а назад не перевертывать, пока отца Федора не вернут. Но архиерей уже поостыл и решил скандала далеко не заводить. И отца Федора бузихинцам вернул.

Пять лет прошло с того времени. И вот теперь Слава держал телеграмму, недоумевая, что же могло произойти в Бузихине.

А в Бузихине произошло вот что. Отец Федор просыпался всегда рано и никогда не залеживался в постели, умывшись, прочитывал правило. Так начинался каждый его день. Но в это утро, открыв глаза, он почти полчаса понежился в постели с блаженной улыбкой: ночью видел свою покойную мать. Сны отец Федор видел редко, а тут такой необычный, такой легкий и светлый.

Сам отец Федор во сне был просто мальчиком Федей, скакавшим на коне по их родному селу, а мать вышла к нему из дома навстречу и крикнула: «Федя, дай коню отдых, завтра поедете с отцом на ярмарку». При этих словах отец Федор проснулся, но сердце его продолжало радостно биться, и он

мечтательно улыбался, вспоминая детство. Видеть мать во сне он считал хорошим признаком, значит, душа ее спокойна, потому как в церкви за нее постоянно возносятся молитвы об упокоении.

Бросив взгляд на настенные ходики, он, кряхтя, встал с постели и побрел к умывальнику. После молитвы, по обыкновению, пошел пить чай на кухню, а напившись, расположился тут же читать только что принесенные газеты. Дверь приоткрылась – и показалась вихрастая голова Петьки, внука церковного звонаря Парамона.

– Отец Федор, а я вам карасей принес, свеженьких, только что наловил.

– Ну проходи, показывай свой улов, – добродушно пробасил отец Федор.

Приход Пети был всегда для отца Федора радостным событием, он любил этого мальчика, чем-то напоминавшего ему его покойного сына. «О, если бы он прошел мимо, не осиротил бы своего отца, сейчас у меня были бы, наверное, внуки. Но так, значит, Богу угодно», – мучительно размышлял отец Федор.

Петьку без гостинца не оставлял, то конфет ему полные карманы набьет, то пряников. Но, конечно, понимал, что Петя не за этим приходит к нему, а уж больно он любопытный, обо всем расспрашивает отца Федора, да такие вопросы иногда мудреные задает, что не сразу и ответишь.

– Маленькие карасики, – оправдывался Петя, в смущении

протягивая целлофановый мешочек с дюжиной небольших, с ладонь, карасей.

– Всякое даяние благо, – прогудел отец Федор, кладя карасей в холодильник. – Да и самое главное, что от труда рук своих принес подарок. А это я для тебя припас. – И с этими словами он протянул Петьке большую шоколадную плитку.

Поблагодарив, Петя повертел шоколад в руке, попытался сунуть в карман, но шоколад не полез, и тогда он проворно сунул его за пазуху.

– Э-э, брат, так дело не пойдет, пузо у тебя горячее, шоколад растает – и до дому не донесешь, лучше в газету заверни. А теперь, коли не торопишься, садись, чаю попьем.

– Спасибо, батюшка, мать корову подоила, так молока уже напился.

– Все равно садись, что-нибудь расскажи.

– Отец Федор, мне дед говорит, что, когда я вырасту, получу от вас рекомендацию и поступлю в семинарию, а потом буду священником, как вы.

– Да ты еще лучше меня будешь. Я ведь неграмотный, в семинариях не учился, не те годы были, да и семинариев тогда уже не было.

– Вот вы говорите «неграмотный», а откуда же все знаете?

– Читаю Библию, еще книжки кое-какие есть. Немного и знаю.

– А папа говорит, что нечего в семинарии делать, так как скоро Церковь отомрет, а лучше идти в сельхозинститут и

стать агрономом, как он.

– Ну, сказанул твой батя, – усмехнулся отец Федор. – Я умру, отец твой умрет, ты когда-нибудь помрешь, а Церковь будет вечно стоять, до скончания века.

– Я тоже так думаю, – согласился Петя. – Вот наша церковь сколько лет стоит, и ничего ей не дается, а клуб вроде недавно построили, а уж трещина по стене пошла. Дед говорит, что раньше прочно строили, на яйцах раствор замешивали.

– Тут, брат, дело не в яйцах. Когда я говорил, что Церковь будет стоять вечно, то имел в виду не наш храм, это дело рук человеческих, может и разрушиться. Да и сколько на моем веку храмов да монастырей взорвали и поломали, а Церковь живет. Церковь – это все мы, верующие во Христа, и Он – глава нашей Церкви. Вот так, хоть твой отец грамотным на селе слывет, но речи его немудрые.

– А как стать мудрым? Сколько надо учиться, больше, чем отец, что ли? – озадачился Петя.

– Да как тебе сказать... Я встречал людей совсем неграмотных, но мудрых. «Начало премудрости – страх Господень» – так сказано в Священном Писании.

Петя хитро сощурил глаза:

– Вы в прошлый раз говорили, что Бога любить надо. Как это можно и любить, и бояться одновременно?

– Вот ты мать свою любишь?

– Конечно.

– А боишься ее?

– Нет, она же не бьет меня, как отец.

– А боишься сделать что-нибудь такое, отчего мама твоя сильно бы огорчилась?

– Боюсь, – засмеялся Петя.

– Ну, тогда, значит, должен понять, что это за «страх Господень».

Их беседу прервал стук в дверь. Вошла теща парторга колхоза, Ксения Степановна. Перекрестилась на образа и подошла к отцу Федору под благословение.

– Разговор у меня, батюшка, наедине к тебе. – И бросила косой взгляд на Петьку.

Тот, сообразив, что присутствие его нежелательно, распрощавшись, юркнул в дверь.

– Так вот, батюшка, – заговорщицким голосом начала Семеновна, – ты же знаешь, что моя Клавка мальчонку родила, вот два месяца, как некрещеный. Сердце-то мое все изболелось: и сами невенчаные, можно сказать, в блуде живут, так хоть внучка покрестить, а то не дай Бог до беды.

– Ну а что не несете крестить? – спросил отец Федор, прекрасно понимая, почему не несут сына парторга в церковь.

– Что ты, батюшка, Бог с тобой, разве это можно? Должность-то у него какая! Да он сам не против. Давеча мне и говорит: «Окрестите, мамаша, сына так, чтобы никто не видел».

– Ну, что же, благое дело, раз надо – будем крестить тай-

нообразующе. Когда наметили крестины?

– Пойдем, батюшка, сейчас к нам, все готово. Зять на работу ушел, а евонный брат, из города приехавший, будет крестным. А то уедет – без крестного как же?

– Да-а, – многозначительно протянул отец Федор, – без кумовьев крестин не бывает.

– И кума есть, племянница моя, Фроськина дочка. Ну, я пойду, батюшка, все подготовлю, а ты приходи следом задними дворами, через огороды.

– Да уж не учи, знаю...

Семеновна вышла, а отец Федор стал неторопливо собираться. Перво-наперво проверил принадлежности для крещения, посмотрел на свет пузырек со святым миром, уже было почти на дне. «Хватит на сейчас, а завтра долюю». Уложил все это в небольшой чемоданчик, положил Евангелие, а поверх всего облачение. Надел свою старую ряску и, выйдя, направился через огороды с картошкой по тропинке к дому парторга.

В просторной светлой горнице уже стоял тазик с водой, а к нему были прикреплены три свечи. Зашел брат парторга.

– Василий, – представился он, протягивая отцу Федору руку.

Отец Федор, пожав руку, отрекомендовался:

– Протоиерей Федор Миролюбов, настоятель Никольской церкви села Бузихино.

От такого длинного титула Василий смутился и, растерян-

но заморгав, спросил:

– А как же по отчеству величать?

– А не надо по отчеству, зовите проще: отец Федор или батюшка, – довольный произведенным эффектом, ответил отец Федор.

– Отец Федор-батюшка, вы уж мне подскажите, что делать. Я ни разу не участвовал в этом обряде.

– Не обряд, а Таинство, – внушительно поправил отец Федор совсем растерявшегося Василия. – А вам ничего и не надо делать, стойте здесь и держите крестника.

Зашла в горницу и кума, четырнадцатилетняя Анютка, с младенцем на руках. В комнату с беспокойным любопытством заглянула жена парторга.

– А маме не положено на крестинах быть, – строго сказал отец Федор.

– Иди, иди, дочка, – замахала на нее руками Семеновна. – Потом позовем.

Отец Федор не спеша совершил крещение, затем позвал мать мальчика и после краткой проповеди о пользе воспитания детей в христианской вере благословил мать, прочитав над ней молитву.

– А теперь, батюшка, к столу просим, надо крестины отметить и за здоровье моего внука выпить, – захлопотала Семеновна.

В такой же просторной, как горница, кухне был накрыт стол, на котором одних разносолов не пересчитать: марино-

ванные огурчики, помидорчики, квашеная белокочанная капуста, соленые груздочки под сметанкой и жирная сельдь, нарезанная крупными ломтиками, посыпанная колечками лука и политая маслом. Посреди стола была водружена литровая бутылка с прозрачной, как стекло, жидкостью. Рядом в большой миске дымился вареный картофель, посыпанный зеленым луком. Было от чего разбежаться глазам. Отец Федор с уважением посмотрел на бутылку.

Семеновна, перехватив взгляд отца Федора, торопясь пояснила:

– Чистый первак, сама выгоняла, прозрачный, как слезинка. Ну что же ты, Вася, приглашай батюшку к столу.

– Ну, батюшка, садитесь, по русскому обычаю – по маленькой за крестника, – довольно потирая руки, сказал Василий.

– По русскому обычаю надо сперва помолиться и благословить трапезу, а уж потом садиться, – назидательно сказал отец Федор и, повернувшись к переднему углу, хотел осенить себя крестным знаменем, однако рука, поднесенная ко лбу, застыла, так как в углу висел лишь портрет Ленина.

Семеновна запричитала, кинулась за печку, вынесла оттуда икону и, сняв портрет, повесила ее на освободившийся гвоздь.

– Вы уж простите нас, батюшка, они ведь молодые, все партийные.

Отец Федор прочел «Отче наш» и широким крестом бла-

Гословил стол:

– Христе Боже, благослови ястие и питие рабом Твоим, яко свят еси всегда, ныне и присно и во веки веков, аминь.

Слово «питие» он как-то выделил особо, сделав ударение на нем. Затем они сели, и Василий тут же разлил по стаканам самогон. Первый тост провозгласили за новокрещеного младенца. Отец Федор, выпив, разгладил усы и прорек:

– Хорош первач, крепок, – и стал закусывать квашеной капустой.

– Да разве можно его сравнить с водкой, гадость такая, на химии гонят, а здесь свой чистоган, – поддакнул Василий. – Только здесь, как приедешь из города домой, и можно нормально отдохнуть, расслабиться. Недаром Высоцкий поет: «И если б водку гнать не из опилок, то чё б нам было с трех-четырех, с пяти бутылок?!» – И засмеялся. – И как верно подметил, после водки у меня голова болит, а вот после первака – хоть бы хны, утром опохмелишься – и опять целый день пить можно.

Отец Федор молча отдавал должное закускам, лишь изредка кивая в знак согласия головой.

Выпили по второй, за родителей крещеного младенца. Глаза у обоих заблестели, и, пока отец Федор, густо смазав горчицей холодец, заедал им вторую стопку, Василий, перестав закусывать, закурил папиросу и продолжил разглагольствовать:

– Раньше люди хотя бы Бога боялись, а теперь, – он досад-

ливо махнул рукой, – теперь никого не бояться, каждый что хочет, то и делает.

– Это откуда ты знаешь, как раньше было? – ухмыльнулся отец Федор, глядя на захмелевшего кума.

– Так старики говорят, врать-то не станут. Нет, рано мы религию отменили, она ох как бы еще пригодилась. Ведь чему в церкви учат: не убий, не укради... – стал загибать пальцы Василий. Но на этих двух заповедях его запас знаний о религии кончился, и он, ухватившись за третий палец, стал мучительно припоминать еще что-нибудь, повторяя вновь: – Не убий, не укради...

– Чти отца своего и мать свою, – пришел ему на выручку отец Федор.

– Во-во, это я и хотел сказать, чти. А они разве чтут? Вот мой балбес в восьмой класс пошел, а туда же... Понимаешь ли, отец для него – не отец, мать – не мать. Все по подъездам шляется с разной шпаной, домой не загонишь, школу совсем запустил. – И Василий, в бессилии хлопнув руками по коленям, стал разливать по стаканам. – А ну их всех, батюшка, – и, схватившись рукою за рот, испуганно сказал: – Чуть при вас матом не ругнулся, а я ведь знаю: это грех... при священнике... меня Семеновна предупреждала. Ты уж прости меня, отец Федор, мы народ простой, у нас на работе без мата дело не идет, а с матом – так все понятно. А это грех, батюшка, на работе ругаться матом? Вот ты мне ответь.

– Естественно, грех, – сказал отец Федор, заедая стопку

груздочком.

– А вот не идет без него дело! Как рассудить, если дело не идет? – громко икнув, развел в недоумении руками Василий. – А как ругнешься хорошенько, – рубанул он рукой воздух, – так пошло – и все дела, вот такие пироги. А вы говорите «грех».

– А что я должен сказать, что это богоугодное дело, матом ругаться? – недоумевал отец Федор.

– Э-э, да не поймете вы меня, вот так и хочется выругаться, тогда б поняли.

– Ну, выругайся, если так хочется, – согласился отец Федор.

– Вы меня на преступление толкаете, чтобы я да при святом отце выругался... Да ни за что!

Отец Федор видел, что сотрапезник его изрядно закосел, выпивая без закуски, и стал собираться домой. Василий, окончательно сморенный, уронил голову на стол, бормоча:

– Чтобы я выругался, да не х... от меня не дождетесь, я всех в...

В это время зашла Семеновна:

– У, нажрался, как скотина, пить культурно и то не умеет. Ты уж прости нас, батюшка.

– Ну что ты, Семеновна, не стоит.

– Сейчас, батюшка, тебя Анютка проводит. Я тебе тут яичек свежих положила, молочка, сметанки да еще кое-чего. Анютка снесет.

Отец Федор благословил Семеновну и пошел домой. Настроение у него было прекрасное, голова чуть шумела от выпитого, но при такой хорошей закуске для него это были пустяки.

На лавочке перед его домом сидела хромая Мария.

– Ох, батюшка, слава Богу, слава Богу, дождалась, – заковыляла Мария под благословение отца Федора. – А то ведь никто не знает, куда ты ушел, уж думала – в район уехал, вот беда была бы.

– По какому делу, голубушка? – благословляя, спросил отец Федор.

– Ах, батюшка, ах, родненький, да у Дуньки Кривошеиной горе, горе-то какое. Сынок ее Паша, да ты его знаешь, он прошлое лето привозил на тракторе дрова к церкви. Ну так вот, позавчера у Агриппины, что при дороге живет, огород пахали. Потом, знамо дело, расплатилась она с ними, как полагается, самогоном. Так они, заразы, всю бутылку выпили и поехали. «Кировец»-то, на котором Пашка работал, перевернулся, ты знаешь, какие высокие у трассы обочины. В прошлом году, помнишь, Семен перевернулся, но тот жив остался. А Паша наш, сердечный, в окно вывалился, и трактором-то его придавило. Ой, горе-то, горе матери евоной Дуньке, совсем без кормильца осталась, мужа схоронила, теперь сынок. Уж батюшка, дорогой наш, Христом Богом просим, поедем, послужим панихидку над гробом, а завтра в церковь повезут отпевать. Внучек мой тебя сейчас отвезет.

– Хорошо, поедем, поедем, – захолопотал отец Федор. – Только ладан да кадило возьму.

– Возьми, батюшка, возьми, родненький, все, что тебе надо, а я пожду здесь, за калиткой.

Отец Федор быстро собрался и через десять минут вышел. У калитки его ждал внук Марии на мотоцикле «Урал». Позади его примостилась Мария, оставив место в коляске для отца Федора. Отец Федор подобрал повыше рясу, плюхнулся в коляску:

– Ну, с Богом, поехали.

Взревел мотор и понес отца Федора навстречу его роковому часу. Около дома Евдокии Кривошеиной толпился народ. Дом маленький, низенький, отец Федор, проходя в дверь, не нагнулся вовремя и сильно ударился о верхний дверной косяк; поморщившись от боли, пробормотал:

– Ну что за люди, такие низкие двери делают, никак не могу привыкнуть.

В глубине сеней толпились мужики.

– Отец Федор, подойди к нам, – позвали они.

Подойдя, отец Федор увидел небольшой столик, в беспорядке уставленный стаканами и нехитрой закуской.

– Батюшка, давай помянем Пашкину душу, чтоб земля была ему пухом.

Отец Федор отдал Марии кадило с углем и наказал идти разжигать. Взял левой рукой стакан с мутной жидкостью, правой широко перекрестился:

– Царство Небесное рабу Божию Павлу, – и одним духом осушил стакан.

«Уже не та, что была у парторга», – подумал он. От второй стопки, тут же ему предложенной, отец Федор отказался и пошел в дом.

В горнице было тесно от народа. Посреди комнаты стоял гроб. Лицо покойника, еще молодого парня, почему-то стало черным, почти как у негра. Но вид был значительный: темный костюм, белая рубаша, черный галстук, словно и не тракторист лежал, а какой-нибудь директор совхоза. Правда, руки, сложенные на груди, были руками труженика, мазут в них до того въелся, что уже не было никакой возможности отмыть.

Прямо у гроба на табуретке сидела мать Павла. Она ласково и скорбно смотрела на сына и что-то шептала про себя. В душной горнице отец Федор почувствовал, как хмель все больше разбирает его. В углу, около двери и в переднем углу, за гробом, стояли бумажные венки. Отец Федор начал панихиду, бабки тонкими голосами подпевали ему. Как-то неловко махнув кадилом, он задел им край гроба. Вылетевший из кадила уголек подкатился под груды венков, но никто этого не заметил.

Только отец Федор начал заупокойную ектению, как раздались страшные вопли:

– Горим, горим!

Он обернулся и увидел, как ярко полыхают бумажные

венки. Пламя перекидывалось на другие. Все бросились в узкие двери, в которых сразу же образовалась давка. Отец Федор скинул облачение, стал наводить порядок, пропихивая людей в двери. «Вроде все, – мелькнуло у него в голове. – Надо выбегать, а то будет поздно». Он бросил последний взгляд на покойника, невозмутимо лежащего в гробу, и тут увидел за гробом сгорбившуюся фигуру матери Павла – Евдокии. Он бросился к ней, поднял ее, хотел нести к двери, но было уже поздно, вся дверь была объята пламенем. Отец Федор подбежал к окну и ударом ноги вышиб раму, затем, подтащив уже ничего не соображавшую от ужаса Евдокию, буквально выпихнул ее из окна.

Потом попробовал сам, но понял, что в такое маленькое окно его грузное тело не пролезет. Стало нестерпимо жарко, голова закружилась; падая на пол, отец Федор бросил взгляд на угол с образами – Спаситель был в огне. Захотелось перекреститься, но рука не слушалась, не поднималась для крестного знамения. Перед тем как окончательно потерять сознание, он прошептал:

– В руке Твои, Господи Иисусе Христе, предаю дух мой, будь милостив мне, грешному.

Икона Спасителя стала коробиться от огня, но сострадательный взгляд Христа по-доброму продолжал взирать на отца Федора. Отец Федор видел, что Спаситель мучается вместе с ним.

– Господи, – прошептал отец Федор, – как хорошо быть

всегда с Тобой.

Все померкло, и из этой меркнувшей темноты стал разгораться свет необыкновенной мягкости, все, что было до этого, как бы отступило в сторону, пропало. Рядом с собой отец Федор услышал ласковый и очень близкий для него голос:

– Истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю.

Через два дня приехал благочинный, отец Леонид Звякин, и, вызвав из соседних приходов двух священников, возглавил чин отпевания над отцом Федором. Во время отпевания церковь была заполнена до отказа народом так, что некоторым приходилось стоять на улице. Обнеся гроб вокруг церкви, понесли его на кладбище. За гробом, рядом со звонарем Пармоном, шел его внук Петя. Взгляд его был полон недоумения, ему не верилось, что отца Федора больше нет, что он хоронит его. В Бузихино на день похорон были приостановлены все сельхозработы. Немного посторонясь, шли вместе с односельчанами председатель и парторг колхоза. Скорбные лица бузихинцев выражали сиротливую растерянность. Хоронили пастыря, ставшего за эти годы всем односельчанам родным и близким человеком. Они к нему шли со всеми своими бедами и нуждами, двери дома отца Федора всегда были для них открыты. К кому придут они теперь? Кто их утешит, даст добрый совет?

– Не уберегли мы нашего батюшку-кормильца, – причитали старушки, а молодые парни и девчата в знак согласия кивали головами: не уберегли.

В доме священника для поминок были накрыты столы лишь для духовенства и церковного совета. Для всех остальных столы поставили на улице в церковной ограде, благо погода была хорошая, солнечная.

Прямо возле столов стояли фляги с самогоном, мужики подходили и зачерпывали, кто сколько хочет. Около одного стола стоял Василий, брат парторга, уже изрядно захмелевший, и объяснял различие между самогоном и водкой.

– А что ты в деревню не вертаешься? – вопрошали мужики.

– Э-э, братки, а жена-то! Она же у меня городская, едрена вошь! Так и хочется выругаться, но нельзя, покойник особый! Мировой был батюшка, он не велел – и не буду, но обидно, что умер, потому и ругаться хочется.

За другим столом Захар Матвеевич, сварщик с МТС, рассказывал:

– Приходит как-то ко мне отец Федор, попросил пилку. Ну мне жалко, что ли? Я ему дал. Утром пошел в сад, смотрю: у меня все яблони обработаны, чин чинарем. Тут я сообразил, для чего он у меня пилку взял: заметил, что я давно сад запустил, он его и обработал. Ну где вы еще такого человека встретите?

– Нигде, – соглашались мужики. – Такого батюшку, как наш покойный отец Федор, во всем свете не сыщешь.

В доме поминальная трапеза шла более благообразно, нежели на улице. Все молча кушали, пока наконец батюшка,

сидевший рядом с благочинным, не изрек:

– Да, любил покойничек выпить, Царство ему Небесное, вот это его и сгубило. Был бы трезвый, непременно выбрался бы из дома, ведь никто больше не сторел...

– Не пил бы отец Федор, так и пожара бы не случилось, – назидательно оборвал благочинный.

На сороковой день мужики снова устроили грандиозную пьянку на кладбище, проливая хмельные слезы на могиле отца Федора.

Прошел ровно год. Холмик над могилой отца Федора немного просел и зарос пушистой травкой. Рядом стояла береза, за ней, в сооруженном Петькой скворечнике, жили птицы. Они пели по утрам над могилой. По соседству был захоронен тракторист Павел. В день годовщины около его могилы сидела, сторбившись, Евдокия Кривошеина. Она что-то беззвучно шептала, когда к могиле отца Федора подошел Петя. На плече у него была удочка, в руках пустой мешочек.

– Эх, тетя Дуся, – с сокрушением вздохнул Петя, – хотел отцу Федору принести карасиков на годовщину, чтоб помянули, он ведь очень любил жареных карасей в сметане. Так на прошлой неделе Женька Путяхин напился и с моста трактор свалил в пруд вместе с тележкой, а она полная удобрений химических. Сам-то он жив остался, а рыба вся погибла.

Петя еще раз тяжело вздохнул, глядя на могилу отца Федора. На могиле лежали яички, пирожки, конфеты и наполовину налитый граненый стакан, покрытый сверху кусочком

хлеба домашней выпечки. Петя молча взял стакан, снял с него хлеб, в нос ударил тошнотворный запах сивухи; широко размахнувшись рукой, он далеко от могилки выплеснул содержимое стакана. Затем достал из-за пазухи фляжку, в которую загодя набрал чистой воды из родника, что за селом в Большом овраге, наполнил водой стакан, положил снова на него хлеб и осторожно поставил на могильный холмик.

Затем внимательно взглянул на портрет на дубовом восьмиконечном кресте. С портрета на него смотрел отец Федор, одобрительно улыбаясь. Петя улыбнулся отцу Федору в ответ, а по щекам его текли чистые детские слезы.

1990. Волгоград

Друзья

Архиепископ Палладий сидел в своем любимом кресле, углубившись в чтение толстого литературного журнала. Вечерние часы по вторникам и четвергам он неизменно отдавал чтению современной прозы, считая, что архиерей обязан быть в курсе всех литературных новинок. Взглянув в угол на напольные часы, снял очки и, отбросив журнал, с раздражением подумал: «Чего это сын киргизского народа полез в христианскую тему? Какое-то наивное подражание Булгакову... Да и главный герой, семинарист Авель, какой-то неправдоподобный. Хотя бы съездил в семинарию, посмотрел. Наверное, мусульманину тоже становится смешно, когда приходится читать писателя-христианина, пытающегося наивно импровизировать на тему магометанства».

Его размышления прервал телефонный звонок. Владыка поднял трубку и важно произнес:

– Я вас слушаю.

– А я вот говорю и кушаю, – раздалось в трубке, и следом послышался смех.

Владыка, растерявшись вначале от такой наглости, услышав смех, сразу признал своего друга и однокашника по семинарии митрополита Мелитона и, расплывшись в улыбке, в том же тоне отвечал:

– Приятного аппетита, владыко, но будь осторожен, так

подавиться недолго.

– Не дождетесь, не дождетесь, – рассмеялся митрополит.

– Ну, не тяни резину, говори: с хорошим аль с плохим звонишь?

– А это с какой стороны посмотреть: для меня – так с хорошим, а тебе – одни хлопоты.

– Чего это? – забеспокоился Палладий.

– Да вот в отпуск у Святейшего отпросился, еду к тебе в гости.

– О преславное чудесе! Мелитоша, дорогой, наконец-то ты вспомнил своего друга.

– Не юродствуй, брат, мы с тобой каждый год в Москве видимся.

– На то она и Москва, а к себе в гости заманить тебя никак не удавалось, а уж как белый клобук получил – совсем занятым стал, ну да, видать, Господь услышал молитву мою.

Владыка лично поехал на вокзал встречать дорогого гостя. Митрополит вышел из вагона не в архиерейском облачении, а в длинном летнем плаще, лакированных черных ботинках и сером берете, так как визит его был неофициальным. Но шлейф запаха розового масла и дорогих благовоний стелился за ним, как невидимая архиерейская мантия. Палладий тоже был в цивильном. Они крепко обнялись и расцеловались. Архиерейский водитель Александр Павлович, взяв один из двух здоровенных чемоданов у келейника митрополита, устремился вперед к машине, келейник кинулся

вслед за ним. Вокзал был полон народу, но архиереи, не обращая ни на кого внимания, неторопливо шли с такой важностью и уверенностью, как будто они шествовали по своему собору к кафедре. И люди, чувствуя исходящую от этих двух импозантных бородачей власть, безропотно уступали дорогу.

Обед, начавшийся в архиерейских покоях, плавно перешел в ужин.

– А теперь, владыко, отведай вот это блюдо, рецепт его ты не найдешь ни в одной поваренной книге.

– Сжался надо мной, – взмолился митрополит. – Неужто решил меня прикончить таким способом? Все очень вкусно, просто нет слов, и ты знаешь, я никогда не страдал отсутствием аппетита, но, увы, это сверх моих сил.

– Тогда пойдем, владыко, в беседку пить чай.

Круглый стол в беседке весь был уставлен сладостями и фруктами. Но оба архиерея не притронулись к десерту и, попивая душистый чай с мятой, завели оживленную беседу на тему: «А ты помнишь?»

– А ты помнишь, – восклицал один, – профессора такого-то?

– А как же! – отвечал другой. – Умнейший был преподаватель, Царство ему Небесное, таких уж сейчас профессоров нет. А ты помнишь архимандрита Варсонофия?

– А как же! Великий был старец. Помню, как-то подошел он ко мне и говорит...

Темный сад окутала ночная тьма, легкий ветерок разогнал сгустившийся над клумбой цветочный запах, который достиг беседки. Владыка вдохнул полной грудью прохладу вечера и произнес:

– Благодать у тебя, Палладий... Вели-ка ты постелить мне в саду.

– Ну что ты, владыко, еще какая муха или комар укусит тебя, а мне потом отвечать перед Синодом. Пойдем, брат, наверх, там тоже прохладно и свежо. Утром после завтрака едем в лес за грибами.

Рано утром митрополит проснулся от громких голосов во дворе. Взглянув в окно, увидел, как Палладий лично отдает распоряжения во дворе своему водителю Александру Павловичу, чтобы тот ничего не забыл. Увидев Мелитона, крикнул:

– Доброе утро, владыко, через полчаса завтрак.

Когда собрались, Палладий, посмотрев на ботиночки митрополита, изрек:

– Для леса обувь не подойдет. Тащи, Александр Павлович, мои старые боты. Поедем в лес не на «Волге», а вот на этом вездеходе, – указал владыка на стоящий во дворе темно-зеленый «уазик». – Военные списали, а я у них купил, специально, чтобы на рыбалку и по грибы ездить. Машина – зверь, никакого бездорожья не боится.

Когда свернули с дороги в лес, по стеклам машины захлестали упругие ветви деревьев.

– Нет, ты только гляди, – хвалился владыка, – ей все ни-
почем.

Заметив, что Александр Павлович собирается объезжать
здоровую лужу, митрополит съехидничал:

– А вот и почем.

– Езжай, Павлович, прямо! – взревел уязвленный Палла-
дий.

Водитель покорно поехал в лужу, «уазик» заехал почти по
брюхо в грязь и забуксовал.

– Что теперь прикажете делать? – кисло улыбнулся мит-
рополит.

– Прикажу включить блокировку и пониженную переда-
чу, – пряча свое волнение и неуверенность в нарочито па-
фосном тоне, произнес Палладий.

Водитель переключил два рычажка, и машина, зарывав
сердито, поползла по грязи, все увереннее набирая ход.

– Действительно, машина – зверь, – восхитился митропо-
лит.

– То-то, владыко, – торжествовал Палладий.

Выехав на солнечную поляну, окруженную с одной сторо-
ны елями, с другой – березами, остановились.

– Вот там, в ельничке, маслят пособираем, а в березовый
за белыми пойдем.

Маслят действительно набрали за час по полной корзине.
А вот белых архиепископ только штук пять нашел, да с пол-
корзинки подберезовиков и подосиновиков. Митрополит и

вовсе три гриба отыскал.

– Да, – сокрушался Палладий, – кто-то здесь до нас потрудился. В прошлом году, веришь ли, владыко, пять полных корзин на этом месте взял. Пойдем обедать, а после обеда еще в одно место проедем.

На поляне бесшумный водитель, он же старший иподиакон архиепископа Александр Павлович, уже накрыл обед на раскладном столике, приставив к нему два походных раскладных креслица. Из термоса разлил суп с фрикадельками из осетрины, на второе – судак, запеченный в яйце.

Владыка Палладий достал маленькую походную фляжку из нержавеющей стали и разлил в пластмассовые кружечки душистый коньяк.

– Ну, владыко митрополит, благослови нашу походную трапезу.

Митрополит повернулся на восток, прочел молитву и благословил стол.

– Что-то так хорошо здесь, может, не поедем больше никуда? – предложил он.

– Сделаем три кущи: мне, тебе и Александру Павловичу – и будем здесь жить, – засмеялся Палладий. – Вчера в саду рвался остаться, сегодня в лесу. Из тебя не синодал, а анахорет-пустынный неплохой получился бы.

– Такое житие надо было от юности выбирать, а сейчас мы с тобой только в архиереи годимся. Из нас, наверное, и путных настоятелей не выйдет.

– Твоя правда, владыко, никуда мы больше не годимся, – поддакнул Палладий, выпивая коньячок.

После обеда, попив кофейку, владыки прогуливались по поляне, пока Александр Павлович убирал посуду и раскладную мебель в багажник. Затем все сели в зверь-машину и поехали по лесной просеке вглубь леса. Побродили по лесу полчаса и, ничего не обнаружив, решили возвращаться домой.

Вдруг владыка Палладий неожиданно спросил водителя:

– Слушай, Александр Павлович, а что за этими холмами, мы ни разу туда не ездили?

– Там, владыко, прекрасная дубовая роща.

– Все, едем туда, – распорядился архиерей.

Прямо перед ними был высокий холм. Круто вверх на него уходила дорога, но было сразу заметно, что по ней мало кто ездил. Измерив глазом дорогу, Александр Павлович предложил:

– Давайте, владыко, в объезд, тут километров пятнадцать – двадцать будет, подъем затяжной и очень крутой, здесь можем не вытянуть, двигатель поизносился, слабоватый.

– Ну вот тебе и хваленая машина, – стал подтрунивать митрополит.

– Благословляю напрямую, – решительно сказал уязвленный архиепископ Палладий.

– Как благословите, владыко, – покорно вздохнул Александр Павлович.

«Уазик» взревел и понесся в гору, но с каждой минутой уверенный ход его становился все тише. Александр Павлович переключился на первую скорость, до спасительной вершины оставалось метров пятьдесят, когда на дорогу вышло стадо баранов. Автомобиль, дернувшись, заглох и остановился, покотившись назад. Александр Павлович нажал до отказа на педаль тормоза, но автомобиль продолжал катиться назад, набирая скорость. Водитель дернул ручник и резко вывернул влево. Автомобиль, качнувшись вправо, все же устоял и остановился поперек дороги. Александр Павлович, выскочив из машины, заглянул под днище и сразу понял: тормозной шланг лопнул.

Стали спускаться, двигатель ревел как раненый зверь, машину трясло, она неслась вниз с ускорением. Уже в конце спуска как-то мягко покатила по накатанной колее.

– Все, владыко, кажется, приехали, – печально сказал Александр Павлович.

Архиереи прогуливались около машины, пока Александр Павлович, лежа под ней, что-то подкручивал. Наконец он вылез из-под машины и с сокрушением сказал:

– Ну так и есть, как я предполагал, рассыпался диск сцепления, сами мы, владыко, ехать не сможем, только на буксире. Если вы благословите, то я схожу в ближайшую деревню и приведу подмогу.

Архиепископ растерянно развел руками, а митрополит расхохотался:

– Ну, как там Александр Сергеевич Пушкин говаривал: «Не гонялся бы ты, поп, за дешевизной»? Взял бы себе новую «ниву» и сейчас бы беды не знал, а хвастал: военная, ничего не боится. Да ее потому военные и списали, что она ничего не боится, а на ней-то страшно уже ездить.

Перестав смеяться, спросил Александра Павловича:

– Где тут ближайшая деревня?

– По дороге в ту сторону, километра три-четыре, Благодаровка будет, я быстро схожу.

– Нет, брат, ты оставайся здесь, а мы с твоим архиереем тряхнем стариной, прогуляемся, погода хорошая, а прогулка на пользу пойдет, а то весь мир только из окна персонального автомобиля видим, так и ходить разучимся.

Владыка Палладий как-то вяло согласился.

– Ну, раз желаешь, пойдём.

И два архиерея, надев подрясники и подпоясав их поясками, не торопясь зашагали в указанном направлении. С одной стороны дороги колосилась пшеница, а на другой, холмистой, росли трава да полевые цветы. Давно перевалило за полдень, солнце не сильно припекало, легкий ветерок обдувал путников, а тихий шелест травы и стрекотание кузнечиков улаждали слух. Некоторое время шли молча, каждый погруженный в свои мысли. Потом вдруг митрополит рассмеялся:

– Ты знаешь, я вспомнил, как студентами я, ты и Колька Терентьев угнали ректорский «ЗИМ» покататься, а он в до-

роге сломался, вот уж бледный у нас был вид! Все, думаю, вещи домой собирать надо, выгонят как пить дать.

– Так и выгнали бы, если б не Николай, он же всю вину на себя взял.

– Это, конечно, благородно, но я его не просил об этом, он сам захотел. Кстати, где он сейчас, ты ничего о нем не знаешь?

– Как же не знаю?! Он в моей епархии служит, и по стечению обстоятельств мы сейчас прямо к нему шагаем, в деревню Благодатовку.

Митрополит резко остановился:

– Да не может быть!

– Почему же не может, если так и есть.

– Да-а, неисповедимы пути Господни, ну, значит, так Богу угодно. – И, как-то помрачнев, митрополит решительно зашагал дальше.

– Что с тобой, ты вроде как не рад предстоящей встрече с другом? Мы же, как три мушкетера, были неразлучными друзьями в семинарии.

– Были, так вот судьба разлучила, – печально сказал митрополит.

– Ну что ж, а теперь радуйся, что опять соединяет.

Митрополит ничего не ответил, лишь как-то засопел и ускорил шаг, так что Палладий, едва поспевая за ним, взмолился:

– Куда ты так припустил? Мы не студенты, давно за ше-

стой десяток перевалило, я так задохнусь.

Митрополит замедлил шаг. Вдруг остановившись, он схватился за левый бок, повернул к Палладию побледневшее лицо, произнес почти шепотом:

– Ваня, мне чего-то нехорошо, и голова кружится.

Палладия давно уже никто не называл его мирским именем и, услышав его, он вдруг увидел не грозного митрополита, постоянного члена Синода, а своего близкого и теперь такого родного друга – Мишку Короткова. Слезы покатались из его глаз и, подхватывая падающего митрополита, он воскликнул:

– Миша, друг, что с тобой, милый, я сейчас.

Ухватив под мышки обессиленное тело митрополита, он поволок его к стоящему у дороги стогу свежескошенного сена.

Привалив митрополита к стогу, он, упав с ним рядом, стал лихорадочно шарить в глубоких карманах подрясника. Наконец достал металлическую колбочку.

– Вот, Миша, валидол, я его всегда с собой ношу, на, положи под язык.

Митрополит молча лежал на сене, устремив взгляд, затуманенный слезой, в бездонное синее небо, по которому бежали редкие пушистые белые облачка. Он вдруг вспомнил, как в далеком детстве любил лежать на траве и наблюдать движение облаков, представляя, что на этих облаках живут ангелы и святые. Как много прошло с тех пор лет! И он пой-

мал себя на мысли, что ни разу с того времени не смотрел вот так на небо, как-то было не до того. А теперь он понял: надо было чаще смотреть на небо. Вся жизнь в какой-то постоянной суете. Вот она прошла, эта жизнь, а он и не заметил.

– Ваня, ты заметил, как жизнь прошла?

– О чем ты говоришь, почему прошла, что за пессимизм, ты всегда оптимистом был.

– Да я не о том, Ваня.

– А о чем? Ну как, тебе лучше?

Палладий не сводил тревожного взгляда с лица своего друга, на щеке которого застыла слеза.

– Я всегда боялся умереть без покаяния, – сказал митрополит, – хорошо, что ты здесь, прими мою исповедь и разреши меня от греха моего.

– У меня епитрахили с собой нет, – растерялся Палладий.

– Эх, Ваня, на старости лет ты совсем в детство впал, дружище. Для чего же тебе дана благодать такого высокого сана, или забыл уроки по литургике профессора Георгиевского? Да любую веревку или полотенце благослови, на шею надень – вот тебе и епитрахиль.

– Да где же я веревку возьму, – оправдывался архиепископ.

Митрополит стащил поясок со своего подрясника.

– Вот тебе епитрахиль, извини, что омофора нет, – не удержался, чтобы не съязвить, он. Видя растерянность друга, закричал: – Господи, тебе еще святую воду принести? Так

я его своими слезами окроплю, – и, утерев пояском глаза, накинул его на шею Палладия.

Архиепископ стал произносить молитвы, а митрополит повторял их вслед за ним, глядя в небо и часто осеняя себя широким крестным знамением.

Так, глядя в небо, он и заговорил, как будто сам для себя:
– Кроме многочисленных моих грехов, в которых я исповедуюсь регулярно перед своим духовником, есть один грех, который меня тяготит уже много лет. Одним словом можно его назвать: малодушие и предательство друга. Когда рукоположили меня во епископы, приехал в Москву Николай Терентьев. Приехал за помощью и поддержкой. Его тогда уполномоченный регистрации лишил, и он приехал ко мне, чтобы я посодействовал ему устроиться на приходское служение. Я увидел его во время всенощной в патриаршем соборе. Он подошел ко мне под елеопомазание в старом плаще, в сапогах, весь мокрый от дождя, и вид его был какой-то жалкий. Я его даже сразу не узнал. А как узнал, обрадовался, говорю: «Николай, ты ли это, каким ветром?» Он отвечает: «Надо, владыко, встретиться, поговорить. Я сейчас без места, может, чем поможешь?» Я говорю: «Конечно, какой разговор между друзьями?! Сегодня, – говорю, – не могу – ужин в нидерландском посольстве, – а завтра приходи к четырнадцати часам в ОВЦС». На следующий день жду его у себя в кабинете, заходит ко мне архимандрит Фотий и говорит: «Там, владыко, вас дожидается священник Николай Те-

рентьев. Так вот, я не рекомендую его вам принимать». – «Почему это?» – удивился я. А Фотий говорит: «Я навел о нем справки через Совет по делам религии, его уволили за антисоветскую деятельность». – «Какую антисоветскую деятельность?» – совсем опешил я. «Он занимался с молодежью, вел, так сказать, подпольный кружок по изучению Священного Писания». – «Не понимаю, – говорю я, – Священное Писание – это что – антисоветская литература?» – «Да все вы понимаете, владыко, я же вам блага желаю. Вас собираются командировать в Америку служить, а это вам может сильно подпортить, но поступайте как хотите». Я, конечно, подумал, все взвесил и не стал принимать Николая. Ему сказали, что я уехал по вызову патриарха. Он неглупый, все понял и больше ко мне не приходил. Вот такой мой тяжкий грех. – И, немного помолчав, добавил: – А ведь тем, что я митрополит, я ему, Николаю, обязан.

– Как так? – не понял Палладий.

– Так ведь я жениться собирался, влюбился в Ольгу Агапову, а Николай ее у меня отбил. Я вначале обижался на него, а потом думаю: хорошо, что не женился, семейная жизнь не для меня, и пошел в монахи, потому и митрополит сейчас. Как она сейчас, кстати, матушка Ольга?

– Да уже лет пять, как померла от рака, – сказал Палладий и вдруг зарыдал во весь голос.

– Царство ей Небесное, – перекрестился митрополит. – Теперь ее душа у Бога. Ты-то чего убиваешься?

– Да я над своими грехами тяжкими плачу. Исповедуй и ты меня, брат. – И он дрожащими руками снял с шеи поясок и, сотрясаясь от рыданий, подал его Мелитону.

– Ну-ну, успокойся, друг мой, и облегчи свою душу покаянием.

– Кроме вас с Николаем, был еще и третий, кто влюбился в Ольгу.

– Неужто и ты? – удивился митрополит.

– Да, я, только когда ей признался, она тоже мне призналась, что влюбилась в Николая, а меня любит, как брата. Я хоть и опечалился, но в то же время порадовался, что у них такая взаимная любовь, а сам стал готовиться к монашеству. Меня ведь после тебя через пять лет в архиереи рукоположили. Все это время отец Николай с матушкой Ольгой где-то скитались, он работал то сторожем, то кочегаром. А как я стал архиереем, они ко мне в епархию приехали. Я тогда лично пошел к уполномоченному хлопотать за Николая, взял с собой здоровенный конверт с одними сотенными. Конверт-то уполномоченный принял с радостью, да на следующий день говорит: «Ничем не могу помочь, комитетчики не пропускают. Правда, есть выход. Обком предлагает собор отдать под нужды города, а вам дадут другой храм, где сейчас государственный архив, размером он почти такой же, да не в центре». Я, конечно, с негодованием отверг это предложение. Вечером ко мне пришла матушка, вся в слезах. Говорит: «У меня, владыко, рак врачи обнаружили, не знаю, сколько

проживу, а вот Николай без службы у престола Божия еще раньше от тоски помрет, совсем плох последнее время стал». Упала на колени, плачет, я тоже на колени встал, плачу. Отпустил ее, обнадежив обещанием что-то сделать. Всю ночь молился, а наутро пришел к уполномоченному и дал согласие на закрытие собора и переход в другой храм. Отца Николая отправил служить в Благодатовку. А потом меня такая досада за свой поступок взяла, что прямо какая-то неприязнь к отцу Николаю появилась. За все время ни разу к нему в Благодатовку не приезжал служить, да и к себе в гости не звал. Вот какие грехи мои тяжкие. Простит ли Господь?

– Господь милостив. Может быть, Он нас сюда для этого прощения и привел. Ты знаешь, удивительно на меня твой валидол подействовал. Вставай, старина, пойдем к Кольке, он простит – и Бог нас тогда простит.

В это время напротив стога остановилась лошадь, запряженная в телегу. Соскочив с телеги, к ним подошел мужик и, поздоровавшись, спросил:

– Вы, отцы честные, отколь и куда идете?

– Да вот направляемся в Благодатовку к отцу Николаю.

– Ой, мать честная, и я туда же, договориться с батюшкой хлеб освятить, а то скотинка часто болеть начала. Садитесь на телегу, подвезу.

Он подбросил на телегу сена и помог усесться владыкам. Затем, звонко причмокнув, встряхнул вожжами:

– Н-но, родимая!

И лошадка покорно зашагала, пофыркивая на ходу.

Мужичок оказался словоохотливый. Рассказал, какой хороший у них батюшка Николай и как все его любят не только в Благодатовке, но и у них в Черновке.

– Матушка у него больно хорошая была, такая добрая, ласковая со всеми. Только шибко хворала, да Господь смилостивился над нею: на Пасху причастилась, сердешная, и померла. Говорят, коли после причастия, да и на Светлой помер, то прямиком в рай. Так ли это?

– Так, так, – подтвердил Палладий.

За перелеском открылся вид на деревню Благодатовку. Посреди деревни стоял однокупольный деревянный храм с колокольней. Вокруг него, как сиротинушки, жались около пятидесяти крестьянских дворов. Около деревни пробежала небольшая речка, а сразу за деревней начиналась березовая роща.

– Красота-то какая, – восхитился митрополит.

– Да, красота, – поддакнул мужик. – Только все равно молодежь бежит в город. Тут ведь у нас развлечений никаких нет, а работа крестьянская тяжелая. А в городе что? Отработал смену – и ноги на диван.

Мужик довез их до самой церковной ограды и, высадив, сказал:

– Я тут к куме заеду, хозяйюшка моя велела кое-чего передать. Потом приеду к батюшке, надо договориться к нам поехать в Черновку.

Архиереи поблагодарили мужика и, открыв калитку, вошли в церковную ограду, крестясь на храм. В глубине двора, около сарая, они увидели мужика, который колол дрова. Рядом священник в коротком стареньком подряснике собирал поленья и носил их в сарай. Набрав очередную охапку, он обернулся на скрип калитки и замер в удивлении, вздрывшись на двух идущих к нему архиереев. Потом дрова посыпались из его рук на землю, и отец Николай почти бегом устремился навстречу владыкам. Оба архиерея повалились перед ним на колени. Отец Николай, оторопев, остановился, пробормотав:

– Господи, что это со мной творится, – и осенил себя крестным знамением: – Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его...

– Ну вот, Ваня, мы теперь не дружи ему, а врази. Мы к тебе, Николай, с покаянием. Прости нас, Христа ради.

Отец Николай подбежал к ним, бухнулся на колени:

– Благословите, владыки, меня, грешного, я уж было подумал – наваждение бесовское.

Он обнял их обоих. Три поседевшие головы соединились вместе. Так, прижавшись друг к другу, они простояли минут пять молча. Затем отец Николай вскочил и помог подняться архиереям. Все стали смеяться, хлопать друг друга по плечам, что-то говорить в радостном волнении. Говорили все разом, никто никого не слышал, но все были счастливы. Потом вместе пошли на сельское кладбище и отслужили литию

на могиле матушки Ольги. Когда пришли в дом, там был накрыт ужин. К этому времени по распоряжению отца Николая на буксире притащили «уазик». За столом сидели долго, вспоминая былое и радуясь, что они теперь все вместе, как когда-то в студенческой юности. Трое друзей помолодели не только душой: глаза горели молодым блеском и морщины расправились.

Спохватившись, отец Николай сказал:

– Я ведь сегодня собирался служить службу полиелейную, завтра празднуем память равноапостольной княгини Ольги, матушкин день ангела. Каждый год службу в этот день правлю, сегодня-то мало кто будет, а завтра к литургии народу много придет и из соседских деревень.

– Ну вот что, – сказал митрополит, – мы будем с тобой служить.

– Архиерейских облачений у меня нет.

– А мы с Палладием и иерейским чином послужим с удовольствием, две ризы-то у тебя еще найдутся?

– Конечно, владыко, как благословите. – И отец Николай мечтательно добавил: – Вот бы архиерейское богослужение... Народ здешний такого еще ни разу не видывал.

– Будет тебе завтра архиерейская служба, – заверил Палладий. – Где у тебя тут телефон?

Дозвонившись до секретаря, он распорядился:

– Завтра к половине девятого утра с протодиаконом и иподиаконами – в деревню Благодатовку. Будем литургию слу-

жить, да не забудьте для митрополита облачение взять.

Утром, еще не было восьми часов, а уж иподиаконы суе-
тились в храме, расстилая ковры и раскладывая облачения.
Слух быстро разошелся по народу о прибытии архиереев, и
в храм пришли даже те, кто туда никогда не ходил.

На малом входе архиепископ Палладий склонился к мит-
рополиту и спросил:

– Если я надену на отца Николая крест с камнями, ты у
Святейшего подпишешь ходатайство?

– Не мелочись, я и митру подпишу.

Палладий снял с себя крест, надел его на отца Николая, а
митрополит снял свою митру и, провозгласив «аксиос», во-
друзил на голову совсем ошарашенного настоятеля.

После службы и обеда Палладий засобирался домой, а
владыка митрополит сказал:

– Ты не обижайся, но чего я поеду в город? И так нады-
шался в Москве всякой гари. Поживу здесь с недельку как
человек.

Но недельку митрополиту как человеку пожить не уда-
лось. Назавтра позвонили из Патриархии и сказали, что вме-
сто заболевшего Никанора ему надо срочно лететь в Афри-
ку на международную конференцию «Мир без ядерного ору-
жия».

Прощаясь с отцом Николаем, он грустно спросил:

– Ты ни разу не видел танец эфиопских епископов под ба-
рабан?

– Нет, – ответил озадаченный отец Николай.

– Счастливый ты человек, хотя, впрочем, зрелище это прелюбопытное.

Октябрь 2002. Село Нероновка Самарской области

Колдовские сети

Светлана ничему не верила до последней минуты. Не верила, когда шла по тому адресу, который ей указала подруга. Не верила, когда поднималась по заплыванной лестнице вонючего подъезда блочной пятиэтажки. Не верила, когда остановилась перед обшарпанной дверью указанной квартиры. Не верила, а потому и не решалась нажать кнопку звонка. Стояла, размышляя о том, какой же она может оказаться душой, если на вопрос: «Не у вас ли мой муж Слава?» – ее поднимут на смех. Терзаясь сомнениями, она вдруг ясно осознала, что еще больше боится другого. Боится, что все это окажется правдой. Как тогда эту правду принять? Светлана повернулась к лестничному маршу и уже взялась за перила, но потом, пересилив желание капитулировать, так ничего и не узнав, снова вернулась к двери. Вместо того чтобы нажать на кнопку звонка, она робко постучала. Дверь тут же открылась, как будто ее ждали. На пороге стояла миловидная девушка, вопросительно улыбаясь. Света в растерянности улыбнулась девушке в ответ.

– Вам кого? – спросила та, видя замешательство Светланы.

Но Света смотрела уже не на девушку, а на коричневые мужские ботинки, стоящие в прихожей. Сомнений быть не могло – это Славинны ботинки. Робость как рукой сняло. Она

молча оттолкнула девушку и решительно шагнула в квартиру. За кухонным столом сидел ее муж Слава в стоптанных домашних тапочках на босу ногу, в трикотажных спортивных штанах и майке. Он спокойно покуривал сигарету, как у себя дома. На столе стояли бутылка шампанского и букет гвоздик, лежала коробка конфет. Увидев Свету, Слава поперхнулся дымом и растерянно залепетал:

– Светик, ты как? Ты откуда?

Светлана в молчаливой ярости подошла к столу, выхватила из воды гвоздики и с размаху хлестко ударила ими мужа по лицу раз и другой, так что головки цветов брызнули в разные стороны алым фейерверком. Сзади в Светлану вцепилась хозяйка квартиры. Лучше бы она этого не делала. Остатки букета прошлись и по ее лицу. Так же молча Света развернулась и выбежала из квартиры. Сбегая вниз по лестнице, она истерически хохотала, а сердце ее в это время сжималось от нестерпимой боли, причиненной предательством самого дорогого человека. Она быстро шла по улице, до ее сознания стала доходить суть происходящего. А суть эта была страшна: рухнула вся ее жизнь, надежды и мечты, а главное, любовь. Чтобы хоть как-то отогнать от себя осознание этой ужасной реальности, она без конца повторяла: «Это подлость, какая же это подлость!»

Холодный мартовский ветер сушил ее горячие слезы, которых, впрочем, она не замечала. Уже подходя к своему дому, Света вспомнила растерянную физиономию мужа, и у

нее снова вырвался истерический хохот. При этом мелькнула досадливая мысль: «Как жаль, что Славка продешевил и не купил вместо гвоздик розы». В своем мстительном воображении она еще раз отхлестала мужа и его подружку, но уже розами с длинными крепкими шипами. Поднимаясь в лифте, она продолжала мысленно охаживать своих обидчиков букетом роз, пока их физиономии не превратились в сплошное кровавое месиво.

Дома она скинула в прихожей прямо на пол пальто и, пройдя в комнату, легла на диван, устремив в потолок отрешенный взгляд. Так она пролежала до самого вечера. Кот Барсик, забравшись к ней, стал тереться и настойчиво мяукать, призывая свою хозяйку вспомнить о том, что он с утра ничего не ел. Света встала, механически дошла до холодильника, налила коту молока и вернулась в комнату. Она присела на диван и, взяв со стола пульт, включила телевизор. Шел ее любимый сериал, но теперь он ей показался пошлым и неинтересным. Она стала бесцельно переключать каналы. Наконец, осознав, что ей не удастся отвлечься от невеселых дум, побрела в ванную комнату. Долго стояла под душем. Затем, завернувшись в халат, снова села перед телевизором. После душа она почувствовала некоторое облегчение и решила спокойно обдумать свое положение.

Со Славой они прожили уже четыре года. Жили хорошо, в достатке. Правда, в последнее время она замечала, как в их отношениях что-то разладилось. Муж стал частенько задер-

живаться на работе допоздна и уезжать в командировки чуть ли не каждый месяц. Женское чутье подсказывало худший вариант: у Славы есть другая. Но верить этому не хотелось, ведь они любили друг друга со школьной скамьи. Она бы так и продолжала сомневаться, если бы Танька, ее подруга, не открыла ей глаза на правду.

Пока Светлана пребывала в своих горестных размышлениях, на местном канале началась программа «Встреча с интересными людьми». Телеведущая беседовала с приехавшим в их город знаменитым колдуном Русланом Эдуардовичем Лонгиным. Светлана вначале передачу смотрела рассеянно, но потом со все большим и большим интересом.

– Я – потомственный колдун уже в девятом поколении, – вальяжно развалившись в кресле перед телекамерой, говорил Лонгин, – моя бабушка была колдунья, она и передала мне свои способности. Теперь я являюсь председателем Всероссийского общества магов и экстрасенсов.

– Руслан Эдуардович, – обратилась к нему ведущая, – сейчас стало модным интересоваться магией и экстрасенсорикой, но скажите, пожалуйста, откуда же взялось сразу так много специалистов в этой доселе неизвестной области?

– Несомненно, мало проку от дилетантов и самоучек, не все в одинаковой степени обладают способностью к магии. Но наше сообщество для того и существует, чтобы в этом архиважном для людей деле преобладал профессионализм. Сейчас для этого в нашем государстве созданы очень благо-

приятные условия. В эпоху демократических преобразований и гражданских свобод мы можем заявить о себе во всеуслышание. На самом же деле наше сообщество зародилось не сейчас, а уже более четырехсот лет тому назад. Оно было создано в год установления в Русской Церкви патриаршества.

– Но при чем здесь патриаршество?

– Именно в знак протеста против патриаршества на Руси и было создано наше сообщество из оставшихся языческих волхвов и разного рода способных к магии людей.

– Какую же задачу ставит ваше сообщество перед собой?

– Задача у нас одна – помогать людям в их повседневных нуждах и лечить от разных болезней.

– От болезней – это понятно, а вот что за нужды, в которых вы можете помочь?

– Практически во всем, так же как и лечим от всех болезней. Например, отвести от человека сглаз или порчу, вернуть ушедшего от вас любимого человека или сделать так, чтобы вы понравились человеку, которого любите, но он пока не расположен к вам. В этом деле у меня есть незаменимая помощница, мой ассистент Клара Негодина. Она специализируется как раз в этой области и проходит у меня курс магических наук. Между прочим, я нашел ее в вашем городе, она работала в салоне красоты маникюршей.

При этих словах объектив телекамеры взял крупным планом сидевшую рядом с колдуном девицу, коротко стрижен-

ную, с ярко покрашенными губами. Она улыбнулась во весь рот, помахала телезрителям рукой и подмигнула. Светлане показалось, что она подмигивает именно ей.

– Это очень интересно, – восторженно воскликнула ведущая, обращаясь уже к девице. – И куда можно человеку, попавшему в такую беду, обратиться за помощью?

– В бывшем салоне красоты на пересечении улиц Карла Маркса и Ленина теперь открыт Центр нетрадиционной медицины. Я веду прием всех желающих каждый день с шести часов вечера.

Приход подружки Татьяны оторвал Светлану от просмотра передачи.

– Ну, ты как, Светик? Хотя сама вижу, но все же рассказывай, как все было. – И она, плюхнувшись на диван, вопросительно уставилась на Светлану.

Когда та все рассказала, Татьяна всплеснула руками:

– Ну, кобели эти мужики! Все, все кобели! И мой тоже хорош. Недавно вернулся, паразит. Три дня пропадал, а сейчас вернулся. Да лучше бы и не возвращался, пьет почему зря. Я ему говорю: «Ну кому ты, такая пьянь, нужен? Гулял, гулял, а теперь опять ко мне пришел под теплый бочок». Твой-то хоть не пьет так. Вот позавидовали, поди, и увели его у тебя. Тут, я думаю, без воровства не обошлось. Тебе, Светка, надо к какой-нибудь бабке сходить. Я тоже ходила, мне сказали, что порча на моего наведена, вот и пьет. Если подумать, чего твоему-то не хватало? Женщина ты видная, мужики за-

глядываются. Всегда у тебя дома чисто, и готовишь, как в ресторане. Нет, видать, сколько волка ни корми, все равно в лес смотрит. Наверное, детей вам надо было завести, они, бывает, крепко привязывают.

– Ну о чем ты, Таня, говоришь? Я ведь давно забеременеть хотела, да что-то не получалось. И к врачу ходила. Вроде все в порядке.

– Да может, это не от тебя зависит, ему тоже надо провериться.

– Теперь-то что об этом говорить? – подвела итог Светлана и заплакала, уткнувшись в плечо подруги.

– Ну поплачь, поплачь, Светик, легче будет, – стала та утешать ее.

Всю ночь Светлана не могла толком уснуть, ворочаясь в постели, вздыхала и всхлипывала. На следующий день после работы домой не пошла, а направилась прямо в Центр нетрадиционной медицины. Перед тем как впустить ее, охранник долго изучал паспорт Светланы, потом, записав что-то, вернул и указал, куда пройти. На прием к Кларе Негодиной уже сидели несколько женщин. Светлана хотела занять очередь, но женщины ей пояснили, что очереди тут нет, Клара сама выходит и выбирает из очереди любого.

Ровно в шесть вечера дверь открылась, вышла Клара в длинном черном платье, в парике из черных, ниспадающих на плечи волос. Голову ее венчала диадема, посредине которой красовался перевернутый треугольник рубинового цве-

та. На груди висел медальон на толстой серебряной цепи. В центре медальона была изображена перевернутая пятиконечная звезда. Все пальцы колдуньи были унизаны перстнями, украшенными знаками зодиака. В талии платье перехватывал золотистый пояс с пряжкой в виде китайского дракона. Посетители и Светлана невольно встали при ее появлении. Клара обвела всех внимательным взглядом, задержав его на Светлане, затем ткнула в ее сторону пальцем:

– Следуй за мной.

В комнате, куда вместе с колдуньей вошла Светлана, был полумрак. На круглом столе, стоявшем посередине, горело шесть свечей. В четырех углах размещались большие зеркала, в которых многократно отражались горевшие свечи.

Молодая колдунья усадила Светлану напротив себя:

– Здесь мы можем говорить с тобой обо всем, и чем подробнее ты мне расскажешь о себе, тем быстрее я смогу тебе помочь.

Светлана стала рассказывать, Клара слушала не перебивая, а лишь кивая головой и изредка вставляя наводящие вопросы. Когда Светлана закончила, она сказала:

– Ну вот что, моя дорогая. Сложно твое дело, но я помогу, если ты в точности будешь выполнять мои инструкции. Помни – в точности, любое отступление от них может сорвать все. Вот что ты должна сделать для начала: пойди в ближайшую к твоему дому церковь, купи там шесть свечей. Зажги их о здравии твоего мужа и твоей соперницы. Так и

говори: «Эти свечи я ставлю о здравии такого-то и такой-то». Потом тут же их затуши. Подойди к столику, где ставят свечи за упокой об умерших. Переверни свечи книзу подожженными фитилями, поставь и зажги. Потом скажи: «Свечи эти – за упокой души такого-то и такой-то». Потом приходи ко мне, и я дам тебе следующее задание.

– Зачем же за упокой? – забеспокоилась Светлана.

– Они не умрут от этого, – успокоила ее Клара, – они просто разбегутся в разные стороны. Потом мы с тобой предпримем другие магические действия. Оставь на столе восемьсот рублей за консультацию, иди и не задавай больше глупых вопросов. И помни: все нужно выполнять в точности, как я говорю.

Светлана вышла из полутемной комнаты на свет. На душе было очень тяжело, как будто там, в душе, она вынесла из этой комнаты частицу темноты и той мрачно-торжественной обстановки, которая завораживала сознание и давила необъяснимым страхом на сердце. «Больше я сюда не вернусь, – подумала она, – и свечи не пойду за упокой ставить».

Но на следующий день Светлана стала вспоминать фразу колдуньи: «Они не умрут от этого, они просто разбегутся в разные стороны».

«Пусть он даже не придет ко мне, но и своей разлучнице я не дам наслаждаться ворованным счастьем. Пойду поставлю свечи», – решила она.

После работы Светлана пошла в храм. Подойдя к свечно-

му ящику, купила шесть свечей. Шла вечерняя служба. День был будний, и народу в храме стояло мало. Посреди храма молодой человек читал молитвы. Женщина, продававшая свечи, шепнула ей:

– Ты, доченька, постой, помолись, сейчас читают Шестопсалмие. Ходить по храму нельзя, вот закончат читать, начнут петь, тогда пойдешь и поставишь свечи.

Света зажала свечи в руке, встала около колонны и так стояла, прислушиваясь к словам читаемых молитв. Понять она их не смогла, так как читали на церковнославянском, но отдельные фразы, входя, помимо ее сознания, прямо в сердце, приносили некое умиротворение душе.

Когда закончили читать Шестопсалмие, она пошла к заупокойному кануну, зажгла сразу все шесть свечей и сказала: «За здравие Вячеслава и Марины», – затем затушила их и уже хотела поставить фитилями вниз, как учила ее колдунья, но что-то остановило ее. Хотя никого рядом с ней не было и можно было все сделать незаметно, но ее не покидало ощущение, что кто-то на нее смотрит. Женщина подняла голову и вздрогнула: на нее пристально глядел святой, написанный на колонне, что была как раз напротив. «Господи, – подумала она, – ну как он может смотреть, если нарисован?» Она обошла столик, на котором ставят свечи за упокой, и встала с другой стороны, так, чтобы колонна оказалась сбоку от нее. Но ощущение, что на нее смотрят, не пропало. Светлана подняла глаза и опять встретилась со взглядом того святого.

Святой держал в одной руке меч, в другой – храм. Старец с иконы смотрел не то чтобы строго, но внимательно. Его взгляд как бы говорил: «Не делай этого. Не делай того, о чем будешь жалеть всю свою жизнь».

И она поняла, что не сможет сделать то, от чего ее предостерегает святой. Подойдя к иконе, зажгла все свечи, поставила их о здравии за Славу и свою соперницу Марину и, заплакав, выбежала из церкви. Когда она пришла домой, на душе было легче оттого, что она не послушалась колдуньи.

Через два дня, возвращаясь с работы домой, Светлана заметила, что в ее почтовом ящике что-то белеет. Открыв ящик, обнаружила там шесть обожженных свечей и листок белой бумаги, посередине которого стояло только одно слово, отпечатанное жирным курсивом: «Поставь!»

Женщина в страхе разорвала записку и, смяв свечи в большой комок, кинула их в мусоропровод. Когда на следующий день она пришла с работы, то старалась не смотреть в сторону почтового ящика, а сразу поднялась к себе в квартиру. Рядом с ее дверью лежал восковой шарик, скатанный из церковной свечи, из которого торчал клочок волос. Приглядевшись внимательно, женщина, к своему ужасу, увидела, что это ее волосы. Светлана отшвырнула шарик ногой и, вбежав в квартиру, разрыдалась. Затем стала сквозь всхлипы набирать номер телефона подруги Татьяны. Та приехала сразу.

– Не реви, – властно сказала она, – давай все по порядку. Выслушав Светлану, констатировала:

– Ну и вляпалась же ты, Светка! Я думаю, что ты попала на колдунью, которая занимается черной магией, а надо было идти к знахарке, которая занимается белой. Тебе понятно?

– Непонятно, – замотала головой Светлана, – какая разница, черная или белая магия?

– Какая же ты, Светка, бестолковая! Черная – это злая магия, а белая – добрая магия.

– Ты знаешь, Таня, я понимаю, когда есть белое пальто, а когда – черное пальто. На вкус и цвет, как говорится, товарищей нет. Но между двумя этими пальто нет никакой разницы, кроме цвета. Служат они для одного и того же – прикрыть тело от холода. Не пойду я больше ни к каким магам и колдунам.

– Дуреха ты, Светка, сравнила пальто и магию. Тебя же теперь эта Клара не отпустит. Надо клин клином вышибать. Пойдем к одной знахарке, она белой магией занимается, одними молитвами лечит, и порчу, и сглаз снимает.

Светлана вспомнила, каких страхов она натерпелась за последние дни, и поняла: надо что-то делать. Подумав немного, она согласилась:

– Хорошо, пойдем.

Татьяна привела ее к домику из красного кирпича, они позвонили. Калитку открыл мужчина средних лет, чуть лысоватый, его взгляд настороженно изучал Светлану и ее подругу.

– Вы к кому?

– К Елизавете Петровне, мы по рекомендации Юлии Гавриловны, – ответила бойко Татьяна.

– Тогда проходите. – Взгляд мужчины сразу потеплел.

Света с Татьяной прошли в чистенький уютный домик, предварительно разувшись на пороге. В горнице, куда их привел мужчина, сидела за столом пожилая женщина в козынке и раскладывала на белой скатерти карты. Когда подружки зашли, она, улыбаясь, устремилась им навстречу.

– А я карты раскинула, вижу, две дамы: одна – червовая, другая – трефовая. Значит, у одной сердечные дела, а у другой, трефовой, – переживательные за червовую даму.

– Правда ваша, – сказала Татьяна, – надо помочь моей подруге.

– Помогу, помогу, голубушка. Что сама не смогу, то карты подскажут. Первый прием у меня пятьсот рублей, зато остальные – по двести пятьдесят. Бесплатно не могу, нынче жизнь дорогая. А мне еще налоги платить.

– Кому же вы платите налоги? – удивилась Татьяна. – Государству, что ли?

– Зачем государству, и без него есть кому собирать. Ну, давайте посмотрим, – перетасовав колоду, она стала раскладывать карты и, проделав с ними какие-то манипуляции, покачала головой. – Да, плохи ваши дела, видите, вас преследует пиковая дама, бойтесь ее, она может здорово вам навредить, если уже не навредила. Как вы думаете, кто это?

– Это, наверное, та, из салона красоты, – вставила Татья-

на, – Кларой ее зовут.

– Так вы знакомы с Кларой Негодиной?

– Да, я у нее была, но не выполнила то, что она мне говорила, и теперь меня эта Клара преследует, потому и пришли к вам. Вы же мне поможете? – с надеждой в голосе спросила Светлана.

После этих слов Елизавета Петровна помрачнела:

– Что же вы мне сразу не сказали об этом? Я женщина порядочная, не стала бы на вас время понапрасну тратить, так как ничем помочь не могу. Эта Клара – близкий к Руслану Эдуардовичу человек, а тот шутить не любит. Так что, девочки, разберитесь сначала с Кларой, что вы там ей задолжали, а потом приходите ко мне, буду рада помочь. Методы работы у нас разные, но поперек друг друга идти мы не можем.

– Вот тебе и белая магия! – удивленно сказала Татьяна, когда они вышли на улицу. – Выходит, черная-то магия сильнее белой.

– Не знаю, кто из них сильнее, но я пойду сейчас прямо в милицию и заявлю, что меня преследуют. Дальше я так жить не могу.

– Правильно, Светка, развели тут, понимаешь, профсоюз колдунов! Куда ни сунься – везде деньги и обман.

Распрощавшись с подругой, Светлана по дороге домой зашла в опорный пункт милиции. Там сидел, скучая, участковый милиционер.

– Я пришла подать заявление по поводу того, что меня

преследуют и что мне угрожают, – с ходу выпалила Светлана.

– Не волнуйтесь, гражданка, вы из какого дома?

– Сто восемь по улице Липецкой.

– Это мой участок. Вот вам листок, садитесь и подробно напишите, кто преследует и чем угрожает.

Светлана села, немного подумав, стала писать. Через пятнадцать минут кропотливой работы она отдала исписанный листок участковому. Тот прочел и поднял удивленный и растерянный взгляд на Светлану:

– А вы, гражданка, часом, не состоите на учете в психдиспансере?

– Нет, не состою! – вдруг заорала что было сил Светлана. – Вы что тут, все заодно с этими колдунами? Что я вам всем такого сделала? Муж от меня ушел к другой женщине, так меня за это надо убить? Ну, убивайте, убивайте, сейчас я больше не хочу жить, понимаете, не хочу!

– Успокойтесь, успокойтесь, гражданка, – лепетал перепуганный участковый, набирая дрожащей рукой номер «Скорой помощи». Ему уже казалось, что эта сумасшедшая сейчас схватит какой-нибудь тяжелый предмет и огреет его по голове. – «Скорая», «Скорая», выезжайте быстрее, с женщиной плохо. Психический срыв, записывайте адрес...

– Да вы что, совсем идиот? – буквально завизжала Светлана и выбежала из опорного пункта правопорядка.

Она уже почти добежала до своего подъезда, когда санитары, вызванные участковым, преградили ей путь. В маши-

не «Скорой помощи» Светлана почувствовала, что в руку ей сделали укол. Вскоре наступило тупое безразличие. В больнице Светлану привязали к койке ремнями и насильно влили в рот какое-то лекарство. Она не помнила, сколько дней провела в больнице. Каждый день ей делали уколы и пичкали таблетками. Когда ее выписали из больницы и она приехала домой, то, глянув в зеркало, не узнала себя. На нее смотрела незнакомая женщина. Осунувшееся, постаревшее лицо. Когда-то темно-карие искрившиеся глаза глядели на мир с безразлично-тоскливым выражением. На работе ее должность сократили, хотя, как уверяла Татьяна, не имели права этого делать по закону, пока она находилась в больнице.

– Надо бороться, Светка, за свои права.

Но бороться Светлана ни с кем не собиралась. Ей было наплевать на работу. Жить тоже не хотелось. «Зачем тянуть с этим? – подумала она. – Пора решить проблему самой».

Готовилась она к этому «торжественному» часу не торопясь. Вначале тщательно помылась, спустила воду и ополоснула ванну: «Помирать надо в чистоте». Аккуратно положила на край ванны лезвие бритвы, стала заполнять ее горячей водой. Потом неспешно села в ванну. Было горячо, но скоро она привыкла. Распарившееся тело блаженно покоилось в воде. «Полежу вначале просто так». Полежав, взяла в руки лезвие и долго держала его, не решаясь провести им по своим запястьям. «Полежу еще немного», – она прикрыла веки.

Вдруг кто-то тронул ее за плечо, и почудилось, что над

ней склонился тот самый святой старец с иконы. Он ласково улыбался: «Вставай, милое дитя. Вставай, тебе говорю, в горячей воде вредно долго лежать. Сегодня приходи ко мне в гости, я давно тебя жду».

Света открыла глаза – никого рядом не было. Она выско-чила из ванны и вытерлась полотенцем. Надела джинсы и свитер, накинула на ходу дубленку и стремглав выбежала на улицу.

Куда ни глянь – везде лежал ослепительно-белый снег. Он играл на декабрьском солнце, как миллионы рассыпанных алмазов. Она схватила пригоршню этого снега и растерла им лицо. Тут словно какая-то пелена спала с нее. Светлана полной грудью вдохнула морозный воздух и бодро зашагала в сторону храма. Еще издали она услышала веселый перезвон колоколов. «Господи, как хочется жить! Интересно, что сегодня за праздник такой – 19 декабря? Наверное, это мой новый день рождения», – подумала Светлана и радостно засмеялась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.